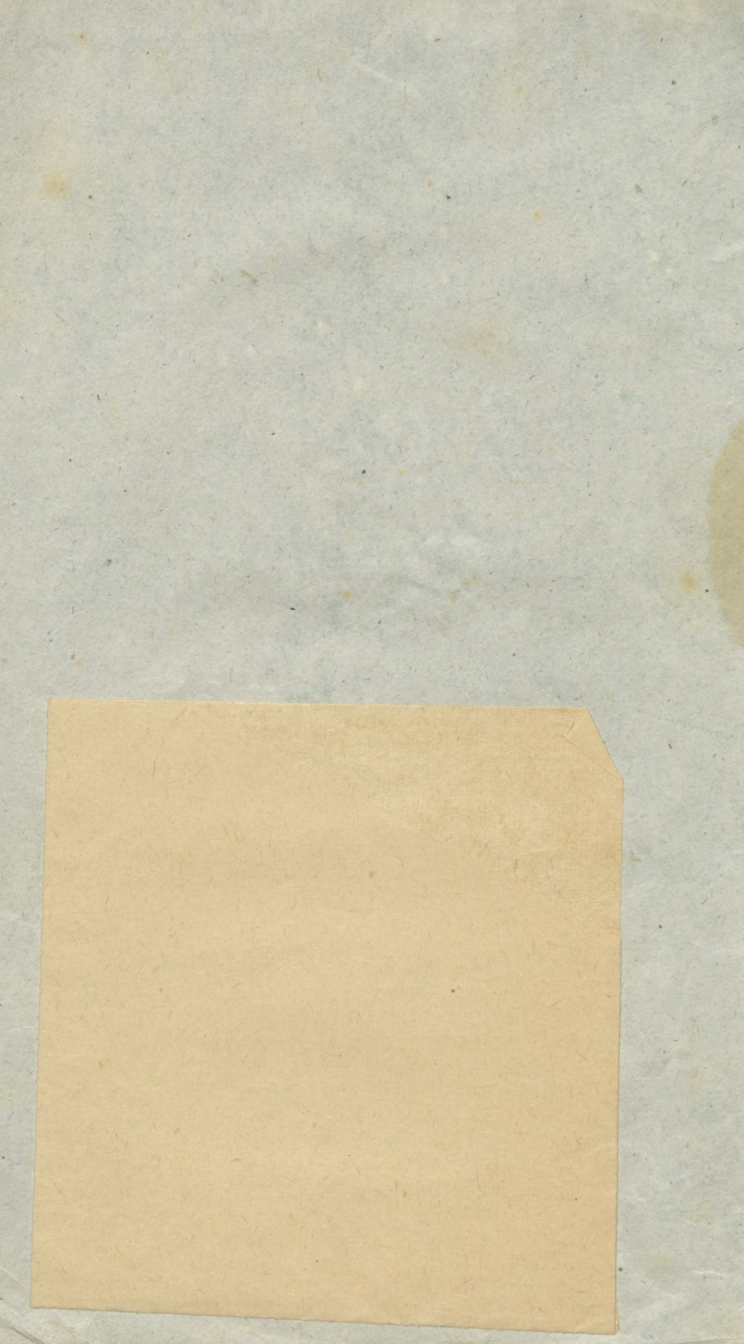

О

БЛАГОПОЛУЧІИ

изъ

путешествія юнаго Анахарзиса,

сочиненіе

Славнаго Бартелеми.

Переводъ съ Французскаго.

ВЪ Типографіи Государственной
Медицинской Коллегіи, 1798 года.

Съ дозволенія

Санктпетербургской цензуры.

ЕЯ ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

МИЛОСТИВОЙ ГОСУДАРЫНѢ

АВДОТЬѢ ИЛЬИНИШНѢ

ГОЛЕНИЩЕВОЙ-КУТУЗОВОЙ

Ордена св. Екатерины

Кавалерственной Дамѣ;

ВЪ знакЪ нелицемѣрнаго почтенія и преданности

подноситЪ

АлександрЪ СевастьяновЪ.

Августа 4,
1798 года.

О
БЛАГОПОЛУЧІИ
изЪ
путешествія юнаго Анахарзиса.

Филоклесъ съ чувствительнымъ сердцемъ соединялъ основательный умъ и глубокія познанія. Въ юности своей учился онъ у знаменитѣйшихъ любомудровъ Греціи. Просвѣщенный ихъ свѣтомъ, а болѣе еще собственными своими размышленіями обогащенный, составилъ онъ себѣ образъ поведенія, разливавшій миръ въ душѣ его и во всемъ его окружающемъ. Мы безпрестанно разсматривали сего необыкновеннаго человѣка, для котораго каждая минута жизни была минутою благополучія.

Прохаживаясь нѣкогда по острову, нашли мы на маломъ храмѣ Латоны слѣдующую надпись: *нѣтъ ничего изящнѣе правосудія, лучше здравія, пріятнѣе обладанія любимымъ предмѣтомъ.* Вотъ что .однажды охуждалъ при насъ

Аристотель, думая, что приведенныя въ семъ изреченіи свойства не должны быть раздѣлены, а совокупно составлять то, что мы называемъ *благополучіемъ.* Въ самомъ дѣлѣ оно есть собраніе всего, что ни есть въ жизни изящное, лучшее, и пріятное. Но за чемъ описывать свойства благополучія, гораздо было бы важнѣе открыть источникъ онаго? Онъ мало извѣстенъ, сказалъ Филоклесъ, всѣ идутъ къ нему различными путями и каждый мыслитъ различно о существѣ *высочайшаго блага.* Иногда полагаютъ оное въ наслажденіи всѣми возможными удовольствіями, иногда въ одномъ только отсудствіи всего непріятнаго. Иные старались заключить свойство онаго въ краткомъ изображеніи; такова есть читанная вами на храмѣ семъ надпись; такова есть пѣснь, которую часто поютъ за столомъ и въ которой полагается благополучіе въ здравіи, въ красотѣ, въ богатствахъ законно пріобрѣтенныхъ, и въ юности провожденной въ объятіяхъ дружества. Другіе къ симъ драгоцѣннымъ дарамъ присовокупляютъ тѣлесную силу, бодрость духа, правосудіе, благоразуміе, и

вообще обладаніе всѣми благами и добродѣтелями: (1) но какъ главная часть сихъ преимуществъ не отъ насъ зависитъ, и что даже соединивъ оныя, сердце наше не могло бы еще быть совершенно довольнымъ; то ясно видимъ, что они не составляютъ того рода благополучія, какое прилично каждому человѣку особенно.

Такъ въ чемъ же оное состоитъ, вскричалъ одинъ изъ насъ съ нетерпѣливостію, и каковъ долженъ быть жребій смертныхъ, когда принуждены будучи гоняться за щастіемъ, незнаютъ ведущаго къ оному пути? Увы! смертные сіи достойны сожалѣнія, сказалъ Филоклесъ. Посмотри на все тебя окружающее; во всѣхъ мѣстахъ, во всѣхъ состояніяхъ, услышишь ты однѣ жалобы и стоны; увидишь людей терзаемыхъ желаніемъ снискать благополучіе, и страстьми, оное отъ нихъ удаляющими; въ веселіяхъ своихъ безпокойны, въ страданіяхъ слабы,

---

(1) Плутархъ пишетъ объ нѣкоторомъ Феспійскомъ Скопасѣ, который полагалъ благополучіе въ излишествѣ.

почти равномѣрно удручаемые недостаткомъ и наслажденіемъ; безпрестанно обвиняютъ они судьбу свою и не могутъ разстаться съ жизнью, ихъ обременяющею.

Развѣ для того произведенъ родъ человѣческій, чтобы покрыть лице земное нещастными? Не уже ли боги находятъ жестокое удовольствіе въ преслѣдованіи толь слабыхъ душъ, каковы наши? Нѣтъ, я не могу сему повѣрить; но мы самихъ себя укорять должны. Представимъ себѣ то понятіе, какое производитъ въ насъ мысль о благополучіи. Мы не иное что подъ симъ разумѣемъ, какъ такое состояніе, въ которомъ безпрестанно возраждающіяся различныя желанія по различію свойствъ человѣческихъ, должны всегда быть удовлетворяемы; и которыхъ существованіе, можемъ мы продолжать по волѣ нашей; но чтобы таковое состояніе было удѣломъ одного изъ насъ, то надлежало бы для сего превратить вѣчный порядокъ природы. И такъ, желать неизмѣняемаго и ни малѣйшими огорченіями непресѣкаемаго благополучія есть желать невозможнаго; а сіе наибо-

лѣе воспламеняетъ наше вожделѣніе; ибо нѣтъ ничего для насъ пріятнѣе, какъ торжествовать надъ препятствіями, которыя въ самомъ дѣлѣ суть, или кажутся непреодолимы.

Законы твердые, коихъ глубина скрывается отъ изысканій человѣческихъ, смѣшиваютъ безпрестанно благо со зломъ въ общемъ разпорядкѣ природы; и существа составляющія часть сего неизмѣримаго всецѣлаго, во всей своей обширности толико удивительнаго, толико непостижимаго, а иногда ужаснаго въ частяхъ своихъ, должны на себѣ показывать сіе сліяніе зла со благомъ и подвергаться безпрестаннымъ измѣненіямъ. Для сего дана намъ жизнь. Съ самаго рожденія опредѣлены мы вращаться въ кругѣ благъ и золъ, веселій и страданій. Естьли бы вопросили вы о причинахъ толь злощастнаго опредѣленія; то иные скажутъ, что боги должны были надѣлить насъ благами, а не весельями; что они награждаютъ насъ послѣдними для того только, дабы принудить насъ принять первыя, и что для большей части человѣковъ количество благъ превосходило бы

весьма многимъ количество золъ, естьли бы они имѣли благоразуміе почитать между первыми и пріятныя ощущенія, и минуты изъятыя отъ смущенія и печалей. Сіе размышленіе могло бы иногда остановить наши жалобы, но причины оныхъ уничтожить оно не въ состояніи: ибо зло на землѣ существуетъ. Оно снѣдаетъ дни большей части человѣковъ; и хотя бы изъ всѣхъ оныхъ терпѣлъ только одинъ, хотя бы мученіе сіе онъ заслужилъ, и оное бы не болѣе минуты продолжалось; сія минута страданія была бы самою мучительною тайною, какую представляетъ намъ природа.

Что слѣдуетъ изъ сихъ размышленій? должны ли мы слѣпо бросаться въ сей потокъ, стремленіемъ своимъ увлекающій и истребляющій всѣ существа; должны ли безъ сопротивленія подвергать себя, подобно жертвамъ злаго рока, ударамъ намъ угрожающимъ; наконецъ должны ли мы лишиться надежды, которая есть величайшее и даже единственное благо намъ подобныхъ? Конечно нѣтъ. Я хочу, чтобы вы наслаждались ща-

стіемъ, но столько, сколько вамъ позволено; не тѣмъ мысленнымъ ложнымъ щастіемъ, котораго надѣяніе или ожиданіе составляетъ злополучіе рода человѣческаго; но щастіемъ сходственнымъ съ нашимъ состояніемъ, и которое потому постояннѣе, что мы можемъ здѣлать оное независимымъ отъ произшествій и человѣковъ.

Свойство человѣка можетъ облегчить пріобрѣтеніе онаго, и можно сказать, что нѣкоторыя души потому только щастливы, что таковыми родились. Другіе не могутъ вдругъ бороться и со своимъ свойствомъ и со внѣшними противностями безъ долговременнаго и безпрестаннаго въ семъ навыка; ибо по словамъ нѣкотораго древняго любомудра, *боги даруютъ намъ щастіе цѣною трудовъ нашихъ*. Но навыкъ сей не требуетъ большихъ усилій, какъ тѣ, которыя нужны намъ бываютъ при возмущающихъ насъ всегда предпріятіяхъ и другихъ душевныхъ движеніяхъ, кои будучи подробно разсмотрены, ложное только благополучіе имѣютъ своею цѣлію.

Послѣ сихъ словъ Филоклесъ замолчалъ, сказавъ намъ, что не имѣетъ ни довольнаго времени, ни достаточныхъ познаній, чтобы привести въ порядокъ разсужденія свои о столь важномъ предмѣтѣ. По крайней мѣрѣ сообщи намъ тѣ, которыя теперь придутъ тебѣ на память, хотя безъ всякой связи. Скажи, какимъ образомъ достигъ ты сего спокойнаго состоянія, котораго не могъ конечно пріобрѣсти безъ долговременныхъ опытовъ и заблужденій?

О Филоклесъ! вскричалъ юный Лизисъ, зефиры кажутся резвящимися въ семъ (1) чинаровомъ деревѣ, воздухъ наполняется благовоніемъ разспускающихся цвѣтовъ; сей виноградъ обьемлетъ переплетшимися своими вѣтвіями *миртовое дерево, и никогда отъ него не отдѣляется*; играющія на лугу стада, птички поющія любовь свою, звукъ мусикійскихъ орудій въ долинѣ раздающійся; все что я вижу, все что слышу, восхищаетъ мою душу. Ахъ! Филоклесъ, мы созданы для благополучія; я чувствую сіе, по глубокимъ и сладостнымъ движеніямъ, раждающимся въ груди моей; естьли обладаешь ты

искуствомъ продолжать оныя; то преступникомъ будешь, когда его намъ не откроешь.

Ты приводишь мнѣ на память, сказалъ Филоклесъ, первые дни моей жизни. И нынѣ еще сожалѣю о семъ времени, въ которое, подобно тебѣ, предавался я получаемымъ мною впечатлѣніямъ; природа, сокрытая отъ разумѣнія моего, являлась мнѣ въ прелестнѣйшихъ видахъ, и душа моя неопытная и вся въ чувствованіяхъ погруженная, казалось попеременно дышала прохладою и пламенемъ.

Не знавъ людей, я находилъ въ ихъ рѣчахъ и поступкахъ невинность и простоту моего собственнаго сердца; я всѣхъ ихъ почиталъ правосудными и откровенными, способными чувствовать дружество, такими, какими имъ быть должно, и каковъ былъ я въ самомъ дѣлѣ; а особливо дышущими любовью къ человѣчеству: ибо нужно имѣть искушеніе, чтобъ познать, что они не суть таковы.

Посреди сего ослѣпленія вступилъ я въ свѣтъ. Учтивость царствующая въ Аѳинскихъ обществахъ, сіи

выраженія вперяемыя желаніемъ нравиться; сіи изліянія сердца, такъ мало значущія и притомъ столь лестныя, были съ лишкомъ привлекательны для неопытного юноши. Я летѣлъ въ обманъ, и давая пріязни права и чувствованія дружества, безъ опасенія вдавался въ удовольствіе любить и быть любимымъ. Выборы мои, учиненные безъ разсужденія, обратились мнѣ во вредъ. Большая часть моихъ друзей оставила меня: одни для собственной пользы, другіе изъ зависти или легкомыслія. Удивленіе и печаль извлекли изъ очей моихъ горькія слезы. Потомъ пренесши явныя несправедливости, и безчеловѣчныя измѣны, видѣлъ себя принужденнымъ, послѣ многихъ бореній, оставить сію сладостную довѣренность, какую имѣлъ доселѣ ко всѣмъ человѣкамъ. Вотъ пожертвованіе, которое мнѣ въ жизни моей всего дороже стоило; я поднесь еще трепещу воспоминая объ ономъ. Печаль моя была столь сильна, что я впалъ въ противную крайность. Оскорбленное сердце мое ожесточилось, и съ удовольствіемъ начало питать въ себѣ ненависть

и недовѣрчивость; я былъ тогда нещастливъ. Наконецъ вспомнилъ я, что между великимъ множествомъ различныхъ мнѣній о благополучіи, нѣкоторые, предпочитаемыя другимъ, полагаютъ оное въ сладострастіи или въ исполненіи законовъ добродѣтели, или въ упражненіяхъ просвѣщеннаго разума. Я рѣшился искать своего въ веселіяхъ.

Я не стану описывать заблужденія моей юности, а продолжать буду мое повѣствованіе съ той самой минуты когда они кончились. Находясь въ Сициліи пошелъ я посѣтить одного изъ знатнѣйшихъ жителей Сиракузъ. Его называли щастливѣйшимъ человѣкомъ своего времени. Видъ его меня устрашилъ; хотя онъ былъ въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ, но показывалъ всѣ признаки старости. Онъ окружилъ себя пѣснопѣвцами, наскучавшими ему прославленіемъ его добродѣтелей, и прекрасными невольницами, коихъ пляски возжигали въ очахъ его потухающій огнь жизни. Когда мы остались съ нимъ одни, тогда я сказалъ ему: да текутъ дни твои въ благополучіи, о ты, который во всѣ времена умѣлъ неразлучно

жить съ веселiями! съ веселiями? отвѣчалъ онъ мнѣ яростно — я уже ихъ незнаю, а знаю токмо отчаянiе, которое раждаетъ отсудствiе оныхъ; во мнѣ осталось одно сiе чувствованiе, окончавающее разрушать тѣло мое, мученiями отягощенное. Я хотѣлъ ободрить его, но нашелъ душу разслабленную, безъ правилъ и отчаянiю предавшуюся. Потомъ узналъ я, что неправосудiе никогда его краснѣть не заставляло, и что глупыя издержки день ото дня истощали имущество дѣтей его.

Сей примѣръ и отвращенiе, онымъ постепенно во мнѣ возбужденное, разгнало упоенiе чувствъ, въ которомъ провелъ я нѣсколько лѣтъ и побудило меня основать мое спокойствiе на исполненiи предписанiй добродѣтели и на повиновенiи разсудку. И то и другое выполнялъ я тщательно; но едва не употребилъ оныхъ во зло. Чрезъ мѣру строгая моя добродѣтель исполнила сердце мое гнѣвомъ противу общества, а разсудокъ, съ лишкомъ разборчивый, хладнокровiемъ ко всѣмъ предмѣтамъ. Случай вывелъ меня изъ заблужденiя.

Въ Өивахъ познакомился я съ однимъ изъ учениковъ Сократовыхъ, котораго честность мнѣ выхваляли. Я былъ удивленъ изящностію его правилъ и порядочнымъ поведеніемъ. Но мало по малу вкралось въ добродѣтель его столько суевѣрія и даже изувѣрства, что можно было упрекнуть его тѣмъ, что онъ не имѣлъ ни слабости къ себѣ, ни снисхожденія къ другимъ; онъ здѣлался необходителенъ, недовѣрчивъ, и часто неправосуденъ. Всѣ почитали сердечныя его свойства, а присудствія его бѣгали.

По прошествіи нѣкотораго времени, находясь въ Дельфахъ на торжественныхъ Питтическихъ играхъ, увидѣлъ я въ темной алеѣ человѣка, который былъ славенъ своимъ просвѣщеніемъ; онъ показался мнѣ удрученнымъ печалію. Силою разсудка моего, сказалъ онъ мнѣ, разсѣялъ я всѣ мечтанія человѣческія. Я родился со всѣми преимуществами, могущими льстить тщеславію: вмѣсто того чтобы оными наслаждаться, сталъ я объ нихъ разсуждать; и съ сей минуты богатства, знатная порода и прелести тѣлесныя, явились мнѣ

суетными благами, которыми слѣпой случай надѣляетъ смертныхъ. Я достигъ первыхъ степеней въ республикѣ; видя сколь трудно дѣлать добро и сколь легко дѣлать зло, почувствовалъ я къ онымъ отвращеніе. Потомъ сталъ искать славы въ сраженіяхъ; омочивъ руки мои въ крови нещастныхъ, устрашился своей жестокости. Я началъ упражняться въ наукахъ и художествахъ; любомудріе исполнило меня сомнѣніями; въ краснорѣчіи увидѣлъ я коварное искуство обманывать людей; въ поэзіи, музыкѣ и живописи дѣтское искуство забавлять ихъ. Я хотѣлъ повѣрить общественному почтенію; но видя обманщиковъ, надѣвающихъ личину добродѣтели, осыпаемыхъ похвалами, наскучило мнѣ общество и оказываемое онымъ почтеніе. Жизнь моя стала скучною, лишилась всѣхъ пріятностей, да и въ самомъ дѣлѣ была она повтореніемъ одинаковыхъ дѣйствій и нуждъ.

Наскучивъ бытіемъ своимъ, скитался я въ странахъ отдаленныхъ. Первой взглядъ на Египетскія пирамиды привелъ меня въ удивленіе; потомъ сравнивалъ я гордость Госу-

дарей воздвигшихъ оныя, съ гордостью муравья, собравшаго на поляхъ нѣсколько песчинокъ, чтобы оставить слѣды своего существованія. Великій Царь Персовъ возвелъ меня при дворѣ своемъ на такую степень, что всѣ его подданные повергались къ стопамъ моимъ. Чрезвычайное ихъ униженіе возвѣстило мнѣ о чрезмѣрной ихъ неблагодарности. Я возвратился въ свое отечество ни чему не удивляясь, ни чего не почитая; бѣдственнымъ сего слѣдствіемъ было совершенное ко всему равнодушіе. Когда я примѣтилъ свою погрѣшность, то уже пособить было поздно: но хотя не чувствую великой привязанности къ подобнымъ мнѣ людямъ, желаю однакожъ чтобъ мой примѣръ послужилъ тебѣ урокомъ; ибо мнѣ нѣчего тебя опасаться; я никогда не имѣлъ нещастія оказывать тебѣ услуги. Въ Египтѣ зналъ я одного жреца, которой проведши дни свои въ скучномъ испытаніи, желая познать начало и конецъ вещей міра сего, сказалъ со вздохомъ: *нещастливъ, желающій подъять завѣсу сокрывающую тайны природы*; а я скажу тебѣ, *нещастливъ тотъ, кто захочетъ*

разторгнуть покровъ человѣческаго общества; нещастливъ противящійся предаться позорищному обольщенію, которое предразсудки и нужды распростерли на всѣ предмѣты; вскорѣ увядшая и утомленная душа его, находясь еще въ жизни сей, погрузится въ ничтожество, а сіе есть жесточайшее изъ всѣхъ мученій? Сказавъ сіе, нѣсколько слезъ вытекли изъ глазъ его, и онъ скрылся въ густоту близлежащаго лѣса.

Вамъ извѣстно съ коликою осторожностію избѣгаютъ корабли подводныхъ камней, кораблекрушеніемъ первыхъ мореплавателей знаменитыхъ. Такимъ образомъ во время моихъ путешествій, употреблялъ я въ пользу ошибки и заблужденія подобныхъ мнѣ человѣковъ. Они научили меня тому, чему бы наймалѣйшее размышленіе научить могло, но что всегда познаемъ мы чрезъ собственные опыты — *что за предѣлы простертая мудрость и добродѣтель толико же суть вредоносны, какъ и излишнее наслажденіе удовольствіями; что природа вселила въ насъ склонности, которыхъ ни истреблять, ни истощать не должно, что общество имѣетъ право на*

мои услуги, каковыми долженъ я пріобрѣсти его почтеніе; на конецъ чтобы достигнуть до цѣли благополучія, которая безпрестанно предъ меня являлась и изчезала, то долженъ я усмирить безпокойство ощущаемое въ душѣ моей и которое безпрестанно оную волновало.

Я никогда не наблюдалъ признаковъ сего безпокойства; а примѣтилъ только, что въ животныхъ ограничивается оное сохраненіемъ жизни и размноженіемъ своего рода; но въ человѣкѣ остается оно и послѣ удовлетворенія первыхъ его нуждъ; что оно наиболѣе существуетъ между народами просвѣщенными, нежели тѣми, которые погружены во моракѣ невѣжества; что дѣйствія онаго гораздо сильнѣе и мучительнѣе въ людяхъ богатыхъ нежели въ бѣдныхъ. Изъ сего видимъ мы что дни наши отравляются *роскошью мыслей и желаній.* Сія то ненасытная роскошь безпрестанно мучитъ себя въ праздности своей, желая обрѣсти себѣ пищу. Въ цвѣтущемъ состояніи насыщается страстями нашими, безпрестанно оныя раздражая, и собираетъ съ нихъ одни только горькіе плоды. По что не до-

ставлять ей пищи гораздо здоровѣйшей? почто не почитать сего безпокойства, ощущаемаго нами и посреди самой сытости благъ и удовольствій, движеніемъ, каковое вложила природа въ сердца всѣхъ человѣковъ, чтобы принудить ихъ сближиться между собою и находить спокойствіе свое въ общемъ союзѣ?

О человѣколюбіе! божественная и великой душѣ свойственная склонность, ты обнаруживаешся — въ младенчествѣ нашемъ восторгами простосердечной нѣжности, въ юности дерзостію слѣпой довѣренности, въ теченіи дней нашихъ тою легкостію съ каковою вступаемъ мы въ новыя союзы и знакомства. О гласъ природы, слышимый во всѣхъ концахъ вселенныя, возбуждающій угрызенія совѣсти, когда мы угнѣтаемъ себѣ подобныхъ, наполняющій души чистѣйшимъ удовольствіемъ, когда подаемъ имъ помощь! — *Любовь! дружество! благотвореніе!* неистощимые источники благъ и удовольствій! люди потому только нещастливы, что не хотятъ внять плѣнительному вашему гласу. Боги, сотворившіе толико благъ! — Естественное по-

бужденіе соединяя существа нуждами и болѣзнями обремененныя, конечно могло подать недолговременную подпору ихъ слабости; но единая безконечная благость ваша сопрягла насъ прелестію чувствительности, и проліяла на сіи многочисленныя общества, покрывающія лице земли, теплоту, способную продлить существованіе оныхъ безконечно.

Вмѣсто того, чтобы питать сей божественный огнь, позволяемъ мы ничего не значущимъ несогласіямъ и подлому самолюбію его погашать. Естьлибъ кто намъ сказалъ, что два незнакомца поверженные случайно на необитаемой островъ, во взаимномъ союзѣ своемъ, столько находятъ прелестей, что оный замѣняетъ имъ вселенную; естьли бы сказали намъ что находится семѣйство, занятое единственно тѣмъ, чтобъ укрѣплять узы родства, узами дружества; что въ нѣкоторомъ мѣстѣ есть народъ, у котораго одинъ только законъ: *любить*, и одно только преступленіе *любить мало*, кто бы изъ насъ имѣлъ дерзость пожалѣть о жребіи сихъ двухъ незнакомыхъ? кто бы не пилетѣлъ въ благополучной сей кло-

матъ? О безумные и недостойные жребія своего смертные! не нужно преплывать морей, для обрѣтенія благополучія; оно можетъ существовать во всѣхъ странахъ, во всѣ времена, во всѣхъ мѣстахъ, въ васъ, окрестъ васъ, вездѣ гдѣ только *любятъ*

Сей законъ природы, о коемъ толико не брегутъ любомудры наши, былъ усмотренъ законодателемъ сильнаго народа. Ксенофонтъ, разговаривая со мною нѣкогда о установленіяхъ юныхъ Персовъ, сказывалъ, что въ народныхъ училищахъ учреждено было судилище въ которомъ они приносили другъ на друга жалобы объ учиненныхъ ими погрѣшностяхъ и что въ оныхъ жесточайшимъ образомъ наказывалась неблагодарность. Онъ присовокупилъ, что подъ именемъ неблагодарныхъ Персы почитали всѣхъ тѣхъ, которые оказывалися виновными противу боговъ, родителей, отечества и друзей своихъ. Удивленія достоинъ сей законъ, которой не только предписываетъ исполненіе всѣхъ должностей, но дѣлаетъ ихъ пріятными, показывая происхожденіе оныхъ. Въ самомъ

дѣлѣ, естьли нельзя ихъ нарушить не здѣлавшись неблагодарнымъ, то слѣдуетъ изъ сего, что надлежитъ исполнять оныя по побужденію самой благодарности; а отсюда проистекаетъ плодовитое и мудрое правило, что не иначе надлежитъ дѣйствовать, какъ по внушенію чувствительности.

Не возвѣщай сего ученія душамъ увлекаемымъ сильными страстями, и незнающимъ никакого обузданія; ни тѣмъ хладокровнымъ смертнымъ которые будучи, такъ сказать, погружены въ самихъ себя, чувствуютъ только собственно до нихъ касающіяся печали. О первыхъ надобно сожалѣть; они созданы болѣе къ нещастію другихъ нежели къ частному своему благополучію. Можнобъ было позавидовать жребію вторыхъ, поелику присовокупивъ къ имуществу и здоровью совершенное равнодушіе къ ближнему, сокрытое однако же подъ видомъ принимаемаго въ ихъ судьбѣ участія, пріобрѣли бы мы благополучіе единственно основанное на умѣренномъ наслажденіи чувственными удовольствіями, и которое можетъ быть менѣе былобъ

подвержено жестокимъ превратностямъ — но отъ насъ ли зависитъ быть равнодушными? Естьлибъ суждено намъ было жить уединенно на вершинахъ Кавказа или въ пустыняхъ Африканскихъ, тогда можетъ быть природа не дала бы намъ чувствительного сердца; но поелику мы имъ обладаемъ, то сердце наше скорѣе бы стало укрощать тигровъ и оживлять камни, нежели не любить ни чего.

И такъ покоримся сему жребію. А понеже сердце наше принуждено изливаться внѣ себя; то вмѣсто того что бы ему въономъ препятствовать, умножимъ, когда то возможно, теплоту и дѣятельность его движеній, управляя ими такъ, чтобы они способны были предупреждать его заблужденія.

Я не предлагаю примѣра своего за правило. Но на конецъ вы хотите знать расположеніе моей жизни. Поучась закону Персовъ, зближая болѣе и болѣе узы соединяющія насъ съ богами, съ родственниками, съ отечествомъ и съ друзьями, нашелъ я таинство, купно исполнять и должности моего состоянія и побужде-

нія души моей; такимъ образомъ познал я что *чѣмъ болѣе живемъ мы для другихъ, тѣмъ болѣе для себя живемъ.*

Тогда Филоклесъ распространился изъясняя необходимость призывать въ помощь разсудка нашего и добродѣтелей власть, служащую подпорою ихъ слабости. Онъ показалъ, до какой степени могущества надъ страстями можетъ возвыситься душа, которая почитая всѣ произшествія жизни законами истекшими отъ руки Величайшаго и Премудрѣйшаго изъ Законодателей, принуждена бороться или съ нещастіями или съ благополучіемъ. Ты будешъ полезенъ человѣкамъ, сказалъ онъ, когда благочестіе твое есть токмо плодъ разсужденія, но естьли ты столько щастливъ, что оно содѣлается чувствованіемъ сердечнымъ, то найдешь болѣе пріятности въ томъ добрѣ, которое имъ здѣлаешь, болѣе утѣшенія претерпѣвая ихъ неправосудіе.

Онъ продолжалъ изъяснять сіи истинны, какъ одинъ изъ друзей нашихъ, юный Критянинъ, по имени Демофонтъ, присвоявшій себѣ съ

нѣкотораго времени названіе философа, прервалъ его рѣчь. Онъ пришедъ внезапно, началъ порицать мнѣнія до Религіи касающіяся съ толикимъ жаромъ и презрѣніемъ, что Филоклесъ вознамѣрился обратить его къ здравомыслію.

Древняя мудрость народовъ, сказалъ Филоклесъ, сліяла, такъ сказать, предмѣты общественнаго богопочитанія; боговъ, творцовъ бытія нашего, и родителей даровавшихъ намъ жизнь.

Отъ сего произошло сіе священное обыкновеніе Писидіянъ, которые начинали пиршества свои изліяніемъ въ честь своихъ родителей. Сіе обыкновеніе подало поводъ Платону къ слѣдующей прекрасной мысли: Естьли божеству пріятно куреніе приносимое вами предъ истуканы, оное изображающіе, сколь достойнѣе почтенія должны быть въ глазахъ ихъ и въ вашихъ собственныхъ памятники, которые сохраняютъ они въ домахъ вашихъ; отецъ, мать, прародители, бывшіе нѣкогда живыми изображеніями его могущества, а нынѣ сущіе предмѣты особаго его покровительства! не сомнѣвай

тесь, оно любитъ тѣхъ, кто ихъ почитаетъ, наказываетъ тѣхъ, которые о нихъ небрегутъ и наносятъ имъ оскорбленія. Естьли они противу васъ несправедливы, то прежде нежели произнесете жалобу, вспомните совѣтъ мудраго Питтака молодому человѣку, которой судился съ отцомъ своимъ: *естьли ты явишься неправымъ, то будешъ обвиненъ; а естьли оправдишся, то заслужишь обвиненіе.*

Но вмѣсто дальнѣйшихъ доказательствъ о томъ, сколь великое почтеніе должны мы имѣть къ даровавшимъ намъ жизнь, лучше хочу я показать вамъ ту непреодолимую прелесть, съ которою природа сопрягла склонности нужныя къ нашему благополучію.

Въ младенчествѣ, гдѣ все бываетъ просто и неухищренно, поелику возрастъ сей незнаетъ притворства, любовь къ родителямъ изображается восторгами, которые правда ослабѣваютъ, когда вкусъ къ забавамъ и независимости вкрадывается въ наши сердца; но причина восторги сіи производившая съ трудомъ искореняется. Даже и въ тѣхъ семействахъ, въ которыхъ царствуетъ

одна учтивость; обнаруживается она снисхожденіемъ или взаимнымъ участіемъ, которое почитаютъ должностью и изъявленіемъ дружества, къ которымъ частые случаются поводы; она оказывается и въ семействахъ раздираемыхъ жестокими несогласіями, ибо ненависть потому становится въ оныхъ толико сильною, что бываетъ дѣйствіемъ обманутой довѣренности или любви обольщенной суетною надеждою. Да и самая трагедія не всегда трогаетъ насъ картиною страстей сильныхъ и непозволенныхъ; часто представляетъ она намъ боренія нѣжныя чувствительности угнѣтеннаго злополучіемъ семейства.

Я благодарю боговъ за то, что дочь моя всегда внимала сему кроткому и убѣдительному гласу. Благодарю за то, что всегда мнѣ оный внушали, когда научалъ ее должностямъ ея, что всегда являлся очамъ ея другомъ чистосердечнымъ, сострадательнымъ, непреклоннымъ правда, но болѣе нежели сама она пріемлющимъ участіе въ ея успѣхахъ, а особливо совершенно правосуднымъ. Сіе послѣднее свойство на-

иболѣе имѣло дѣйствія надъ ея душею: когда Исмена примѣтила, что я нѣкоторымъ образомъ подвергалъ раждающемуся ея разсудку рѣшенія моего собственнаго, научалась она чрезъ сіе цѣнить себя, и сохранять мнѣніе, каковое мои лѣта и моя опытность подали ей о превосходствѣ моихъ познаній. Вмѣсто того, чтобы поступать съ нею строго, старался я заслужить любовь ея, и тщательно избѣгалъ подражать родителямъ и благотворителямъ возбуждающимъ неблагодарность гордостью, съ которою требуютъ они благодарности.

Въ обращеніи моемъ съ матерью ея Левкиппою держался я сего же правила. Не токмо чувствованія мои были непорочны, но и въ изъявленіи оныхъ наблюдалъ я осторожность. Когда я начиналъ познавать ее, то хотѣлъ ей нравиться, когда узналъ ее лучше, и тогда хотѣлъ ей нравиться. Тогда уже не то было чувствованіе, которое составило первой союзъ нашъ; мѣсто его заняло величайшее почтеніе и чистѣйшая дружба. Въ началѣ нашего союза стыдилась она въ домѣ моемъ пока-

зывать ту власть, каковую требуетъ отъ бдительной жены хозяйственный порядокъ, теперь власть сія ей любезна, ибо получила оную отъ меня; толико пріятно зависѣть отъ того, кого мы любимъ, быть управляему его волею и жертвовать ему всѣми малѣйшими нашими желаніями. Сіи взаимныя пожертвованія разливаютъ на всю жизнь нашу неизъяснимую пріятность: когда они бываютъ примѣчены, то получили уже свою награду, а если нѣтъ, то кажутся еще пріятнѣе.

Между множествомъ полезныхъ и различныхъ упражненій, дни наши текутъ по нашей волѣ. Въ мирѣ и тишинѣ вкушаемъ мы благополучіе во кругъ насъ царствующее, и я сожалѣю только о томъ, что не могу нынѣ столько быть полезенъ моему отечеству, сколько былъ полезенъ ему въ моей юности.

Любить отечество свое есть ни что иное, какъ употреблять всѣ свои силы къ учиненію его извнѣ страшнымъ, а внутри спокойнымъ. Побѣды или выгодные договоры пріобрѣтаютъ ему почтеніе народовъ, внутреннее его спокойствіе утвер-

ждается единственно твердымъ храненіемъ законовъ и неповрежденныхъ нравовъ; по сему противуполагая врагамъ отечества искусныхъ полководцовъ и политиковъ, своеволію и всеистребляющимъ порокамъ противополагать должно законы и добродѣтели, все въ порядокъ приводящіе; а отъ сюда, коликое множество проистекаетъ должностей, сколь важныхъ столь и необходимыхъ, для каждаго рода гражданъ вообще, и для всякаго гражданина особенно!

О вы! сущіе предмѣтомъ сихъ размышленій; вы, которые въ минуту сію заставляете меня сожалѣть, что я не одаренъ силою краснорѣчія, достаточною возвѣстить вамъ по достоинству тѣ истины, коими преисполнена душа моя; вы на конецъ, которыхъ хотѣлъ бы я воспламенить любовію ко всему честному, дабы учинить васъ щасливѣйшими. Помните всегда, что отечество имѣетъ неограниченное и священное право на дарованія ваши, на ваши добродѣтели, на ваши чувствованія и на всѣ ваши поступки; помните что въ какомъ бы состояніи ни находились, вы всегда есте стражи,

которыхъ должность есть охранять его, и при малѣйшей опасности стремиться ему на помощь.

Для выполненія толь важнаго опредѣленія, непочитайте того великими подвигами, когда исполните препоручаемыя вамъ отечествомъ должности, когда защитите законы его, познаете его пользы и даже прольете кровь свою на полѣ брани или на площади. У него есть враги гораздо опаснѣйшіе крамолъ народныхъ и внутреннихъ несогласій; враги сіи суть пороки; брань, которую ведутъ они съ добрыми нравами скрыта и продолжительна, но жестока и безпрерывна, и тѣмъ для отечества опаснѣе, что къ избѣжанію или противуборствію оной нѣтъ ни какого средства. Позвольте мнѣ по примѣру Сократову вложить въ уста его слово, каковое можетъ оно изрещи къ сынамъ своимъ.

Здѣсь получили вы жизнь, и мудрыя учрежденія усовершили вашъ разумъ; законы мои хранятъ безопасность каждаго изъ гражданъ, и вы всѣ чинили присягу торжественную или тайную въ душахъ вашихъ, посвятить дни свои на мое служеніе. Вотъ мои

права; но какое право имѣете вы нарушать добрые нравы, которые болѣе нежели законы служатъ подпорою моея власти? развѣ не знаете вы что нельзя ихъ пренебречь не питая среди васъ всеистребляющаго яда; что одинъ примѣръ распутства цѣлой народъ заразить можетъ, и учиниться ему опаснѣе потеряннаго сраженія; что вы почитали бы общественную благопристойность, естьли бы для призрѣнія оной надлежало вамъ имѣть бодрость духа и что роскошъ съ которою вы чините толикое множество безумныхъ издержекъ и вредоносныхъ поступокъ, остающихся безъ наказанія, есть подлость духа, толико же презрительная сколь и наглая.

Не смотря на сіе, дерзаете вы присвоять себѣ мою славу, и гордиться предъ чужестранцами тѣмъ, что родились въ семъ градѣ, произведшемъ Солона и Аристида; что происходите отъ героевъ пріобрѣтшихъ оружію моему толикое множество славныхъ торжествъ. Но какое видите сходство между сими Ироями и вами? или того еще болѣе, чѣмъ подобны вы предкамъ вашимъ? знаете

ли вы, кто можетъ назваться соотечественниками и дѣтьми сихъ великихъ мужей? Граждане добродѣтельные всѣхъ странъ и всѣхъ временъ.

Благополучно отечество ихъ, когда бы къ добродѣтелямъ, коими оно украшается не присовокупляли они мягкосердія предъуготовляющаго его погибель! послушайте гласа моего и вы, коихъ поколѣніе драгоцѣнное человѣчеству изъ вѣка въ вѣкъ преходитъ. Мною учреждены законы противу преступленій; но не постановлено законовъ противъ пороковъ, ибо мщеніе мое въ рукахъ вашихъ и вы одни можете преслѣдовать ихъ сильною местію. Вмѣсто того, чтобы удерживать оную, да ниспадетъ мщеніе ваше, яко удары грома на своеволіе истребляющее нравы; да поразитъ оно насиліе, неправосудіе, злодѣйства скрывающіяся отъ прозорливости законовъ, каковы суть: ложное смиреніе, ложное дружество, и всѣ сіи презрѣнные обманы привлекающіе личиною своею почтеніе человѣковъ. Не говорите, что времена премѣнились, и что надобно имѣть болѣе снисхожденія къ довѣренности

пріобрѣтенной преступниками. *Добродѣтель, силы не имѣющая, есть пустая добродѣтель; когда не трепещетъ она при воззрѣніи на пороки, то конечно заражена оными.*

Помыслите, какъ бы воспламенилась душа ваша, когда бы возвѣстили вамъ внезапно, что враги ваши пріяли оружіе, что они на вашихъ предѣлахъ или уже у вратъ домовъ вашихъ. Но не тамъ они нынѣ находятся; они посреди васъ, въ Сенатѣ вашемъ, съ собраніяхъ народныхъ, въ судилищахъ, и въ домахъ вашихъ. Успѣхи ихъ толико суть быстры, что надлежитъ отчаяться въ надеждѣ исправленія или спасенія, когда сами боги или честные граждане не остановятъ ихъ успѣховъ.

Когда бы мы были чувствительны къ порицаніямъ нами слышимымъ, то общество учинившееся отъ излишняго милосердія нашего полемъ предоставленнымъ на расхищеніе тиграмъ и зміямъ, было бы жилищемъ тишины и благополучія. Но напрасно будемъ льстить себя таковою премѣною: многіе граждане имѣютъ добродѣтели, но со всѣмъ тѣмъ нѣтъ ничего рѣже человѣка добродѣтельнаго, ибо чтобъ быть онымъ въ са-

момъ дѣлѣ, надобно имѣть твердость духа сохранить добродѣтель свою во всякое время, во всѣхъ обстоятельствахъ, презирая всѣ препятствія и величайшія корысти.

Но естьли души честныя не могутъ противустоять злымъ и лживымъ, то да составятъ они оплотъ и защиту людей честныхъ; да напитаются симъ духомъ человѣколюбія, которой толико свойственъ естеству человѣка, и которой пора уже поселить въ обществѣ, изъ коего изгнали его наши предразсудки и страсти. Онъ научилъ бы насъ навсегда быть въ согласіи между собою, различать легкомысленность разума отъ злости сердца, прощать недостатки, отдалять отъ себя предубѣжденія и недовѣрчивость, яко бѣдственные источники толикихъ несогласій и ненавистей. Онъ показалъ бы намъ что отличное покровительство и блестящая щедрость не составляютъ истиннаго благодѣянія; но что таково есть чувствованіе истиннаго состраданія къ нещастнымъ.

Вы видите ежедневно гражданъ, стенящихъ подъ игомъ нещастія; другихъ, которымъ нужно одно утѣ-

шительное слово и сердце принимающее участіе въ ихъ злополучіи, и вопрошаете еще, можете ли вы быть полезными человѣкамъ? вопрошаете, награждаетъ ли насъ природа за тѣ бѣдствія, коими насъ поражаетъ. Ахъ! естьли бы вы знали коль сладостныя ощущенія проливаетъ она въ души онымъ ея вдохновеніямъ повинующіяся! Когда извлечете вы честнаго человѣка изъ бѣдности, когда избавите его отъ смерти, или отъ безчестія, я свидѣтельствуюсь тѣми нѣжными движеніями, кои возстанутъ тогда въ сердцахъ вашихъ, вы узрите, что въ жизни есть минуты пріятныхъ ощущеній, награждающія годы страданій. Тогда пожалѣете вы о завидующихъ успѣхамъ вашимъ, и о тѣхъ, которые забудутъ ихъ, собравъ съ нихъ плоды. Не бойтесь завистниковъ; они наказываются жестокостію своего нрава; ибо зависть есть ржа снѣдающая желѣзо. Не бѣгайте отъ неблагодарныхъ, они сами присутствія вашего избѣгать будутъ, или будутъ искать васъ, естьли благотвореніе ими полученное было сопровождаемо и послѣдуемо почте-

ніемъ и соучастіемъ; поелику естьли вы употребили во зло преимущество, каковое оно даетъ вамъ, то сіе дѣлаетъ васъ виновными, и покровительствуемый вами достоинъ сожаленія. Нѣкто сказалъ: тотъ кто оказываетъ услугу, долженъ забыть ее, а помнить получающій оную. А я скажу вамъ, что вторый будетъ ее помнить естьли первый забудетъ. Но и въ томъ нѣтъ нужды, естьли я не ошибаюсь? развѣ изъ корысти надлежитъ дѣлать добро?

Будь разборчивъ въ избраніи себѣ покровителя и не унижай того, кому ты самъ покровительствуешъ. Съ таковымъ расположеніемъ духа, сколько можно старайся оказывать услуги, ничего за то не требуя въ награду; услуживай людямъ иногда противу собственной ихъ воли и сколько можно безъ ихъ о томъ вѣдома, мало цѣня то, что ты для нихъ здѣлаешъ, но возвышая сколько можно то, что они для тебя здѣлаютъ.

Просвѣщеннѣйшіе Любомудры изъ глубочайшихъ своихъ разсужденій, заключили, что щастіе есть такъ сказать *дѣятельность и сила*; не можетъ оно обитать въ иной душѣ

кромѣ такой, коей движенія управляемы будучи разсудкомъ и добродѣтелью, посвящены единственно общественной пользѣ. Сообразно мнѣнію ихъ, говорю я, что узы наши съ богами, съ родственниками и отечествомъ, суть не иное что какъ цѣпь должностей, кои одушевлять чувствительностію есть согласно съ пользою нашею, и которую цѣпь природа опредѣлила къ тому, что бы дать пищу и отдохновеніе души нашей. Ревностное оныхъ исполненіе составляетъ сію мудрость, которую бы мы, по мнѣнію Платонову, страстно любили, естьли бы красота ея явилась очамъ нашимъ. Коль изящна любовь сія; она была бы безконечна. Вкусъ къ наукамъ, художествамъ, и къ веселостямъ не чувствительно истощается; но возможно ли насытить душу, которая привыкши къ добродѣтелямъ полезнымъ обществу, почитаетъ привычку сію нуждою, и всякой день новыя находитъ прелести въ ихъ исполненіи?

Не думай что бы благополучіе ея ограничивалось сладостными ощущеніями, какія раждаютъ въ ней ея успѣхи; она имѣетъ другія источ-

ники благополучія, не менѣе продолжительные. Таково есть всеобщее уваженіе, коего не желать не возможно, не признавъ себя недостойнымъ онаго; оно довлѣетъ единой добродѣтели; и рано или поздно оною пріобрѣтается. Оно награждаетъ всѣ ея пожертвованія и подкрѣпляетъ ее въ бѣдствіяхъ ею претерпѣваемыхъ.

Таково есть собственное наше уваженіе, изящнѣйшее преимущество данное человѣчеству, чистѣйшая потребность души честной, пламеннѣйшее желаніе души чувствительной, безъ котораго не льзя быть другомъ самому себѣ, съ которымъ можно обойтися безъ похвалъ общества, когда оно отказываетъ намъ въ оныхъ не правосудно. Таково есть сіе чувствованіе вложенное въ души наши для украшенія нашей жизни, и о которомъ остается мнѣ дать вамъ слабое понятіе.

Я продолжать стану возвѣщать вамъ обыкновенныя истины; но когда бы они не были таковыми, то бы не принесли ни малѣйшей пользы.

На одномъ изъ острововъ Эгейскаго моря, среди древникъ Тополовъ, по-

священъ былъ нѣкогда олтарь дружеству. День и ночь приносились на ономъ жертвы угодныя божеству сему. Но вскорѣ окружено будучи продажными обожателями, оно узрѣло въ сердцахъ единыя узы основанныя на корысти, и союзы не сообразные. Божество сіе сказало нѣкогда любимцу Крезову; удались съ жертвами своими; онѣ не мнѣ надлежатъ, а фортунѣ. Оно отвѣчало Аѳинянину, чинившему обѣты въ пользу Солона, коего другомъ онъ назывался: подружась съ человѣкомъ мудрымъ желаешъ ты раздѣлить славу его и заставить позабыть твои пороки. Двумъ Самосскимъ женамъ, обнимавшимся у олтаря его, изрекло оно: вкусъ къ веселіямъ соединяетъ васъ по внѣшности, но сердца ваши раздираются завистію, и вскорѣ ненавистію воспламенятся.

На конецъ два жителя Сиракузъ, Дамонъ и Питіясъ, воспитанные по ученію Пиѳагорову, пришли на поклоненіе божеству: я пріемлю моленія ваши сказало оно; но еще болѣе здѣлаю, оставлю мѣста сіи оскверненныя жертвоприношеніями возбуждаю-

щими гнѣвъ мой, и не хочу инаго храма кромѣ сердецъ вашихъ. Подите, явите тирану Сиракузскому, свѣту и потомству, что можетъ учинить дружество двухъ душъ облеченныхъ моею силою.

По возвращеніи ихъ Діонисий внявъ пустому доносу, осудилъ Питіяса на смерть. Сей просилъ позволенія отлучиться въ ближній городъ для приведенія въ порядокъ нѣкоторыхъ важныхъ дѣлъ своихъ. Онъ обѣщался возвратиться въ опредѣленный день и отправился въ путь, послѣ того какъ Дамонъ за исполненіе обѣщанія сего поручился своею жизнію.

Между тѣмъ дѣла Питіяса текутъ медлѣнно, день смерти его наступаетъ, народъ собирается, порицаютъ его, сожалѣютъ о Дамонѣ, идущемъ спокойно на смерть, увѣренномъ что другъ его возвратится, и почитающимъ себя весьма щастливымъ въ случаѣ его невозвращенія. Уже наступаетъ роковая минута, какъ тысячи гласовъ возвѣщаютъ многократно о прибытіи Питіяса. Онъ бѣжитъ, стремится на лобное мѣсто, видитъ мечь висящій надъ

главою друга своего, и посреди объятій и слезъ спорятъ они о благополучіи умереть другъ за друга. Зрители обливаются слезами: самъ Царь бросается съ престола своего и проситъ позволенія раздѣлить священную ихъ дружбу.

Послѣ сея картины, которую бы надлежало написать пламенными чертами, не нужно будетъ распространяться въ похвалахъ дружеству и въ помощи каковую подаетъ оно во всѣхъ случаяхъ жизни.

Почти всѣ говорящіе о семъ чувствованіи, смѣшиваютъ оное съ союзами, кои суть плодомъ случая и дѣломъ единаго дня. Въ первой ревности таковыхъ раждающихся союзовъ, видимъ мы друзей своихъ таковыми, каковыми желаемъ чтобы они были; вскорѣ видимъ ихъ такими, каковы они въ самомъ дѣлѣ суть. Второй выборъ не лучше перваго, и наконецъ мы рѣшимся отказаться отъ дружества, или что все равно, перемѣнять друзей ежеминутно.

Какъ всѣ почти люди проводятъ большую часть жизни своей ни о чемъ не размышляя, а самую меньшую

часть разсуждая болѣе о другихъ, нежели о самихъ себѣ; то не знаютъ они свойства союзовъ, въ которые вступаютъ. Естьли бы имѣли они дерзость спросить о толпѣ друзей, которою почитаютъ себя окруженными; то увидѣли бы, что друзья сіи соединены съ ними одною только ложною наружностію. Сіе размышленіе исполнило бы ихъ горестью; ибо къ чему служитъ жизнь безъ друзей? но оно побудило бы ихъ здѣлать не постыдной выборъ.

Умъ, дарованія, вкусъ къ художествамъ, блистательныя качества, весьма пріятны въ дружбѣ; они ее одушевляютъ и украшаютъ; но не имѣютъ сами силы оную продлить.

Дружество не можетъ быть ни на чемъ основано, какъ на любви къ добродѣтели, на мягкости характера, на сообразности правилъ жизни и на нѣкоторой прелести предваряющей разсужденіе, и онымъ потомъ оправдываемой.

Естьли бы могъ я вамъ дать нѣкоторыя правила, то они бы не столько научили васъ учинить достойный выборъ, сколько избѣжать худова.

Между людьми разнаго, и очень неравнаго состоянія, почти не возможно быть дружбѣ. Властелины слишкомъ велики, чтобы имѣть друзей; окружающіе ихъ видятъ только соперниковъ окрестъ себя, а ниже себя ласкателей. Вообще люди имѣютъ привычку выбирать друзей въ низшемъ состояніи, или болѣе полагая надежды на ихъ снисхожденіе, или ласкаясь быть ими болѣе любимыми. Но какъ дружба все дѣлаетъ общимъ и требуетъ равенства, то ищите себѣ друзей въ состояніи ни слишкомъ выше, ни слишкомъ ниже вашего.

Дѣлайте частыя испытанія прежде, нежели соединитесь тѣсно съ людьми имѣющими съ вами одинакіе виды честолюбія, славы и щастія. Надлежало бы учинить неслыханныя усилія, чтобы союзы, безпрестанно подверженные опасностямъ отъ зависти происходящимъ, долго существовали; и мы не должны быть толь высокаго мнѣнія о добродѣтеляхъ нашихъ, чтобы подчинить наше благополучіе множеству бореній и побѣдъ надъ собственными нашими страстями.

Не вѣрь лишнимъ учтивостямъ и витійственнымъ обѣщаніямъ; они проистекаютъ изъ источника лукавства раздирающаго души правосудныя; какъ можешъ повѣрить имъ въ щастіи, когда и въ злополучіи слишкомъ полагаться на нихъ не должно? Ибо отличіе оказываемое нещастнымъ бываетъ иногда хитрымъ намѣреніемъ вкрасться въ милость къ людямъ щастливымъ.

Не полагайся такъ же на доказательства дружества, изходящія иногда изъ сердецъ недостойныхъ питать сіе чувствованіе. Природа представляетъ глазамъ нашимъ нѣкоторой родъ внѣшняго непорядка, цѣпь видимыхъ неправослѣдственностей (inconsequences) изъ коихъ извлекаетъ она величайшую выгоду.

Иногда блеснетъ лучь правосудія, въ душѣ преданной неправосудію; искры мудрости, въ умѣ предоставленномъ обыкновенно безумію; черта человѣколюбія, въ свойствѣ жестокомъ и звѣрскомъ. Сіи малыя частицы добродѣтели, отдѣленныя отъ истинныхъ началъ своихъ и искусно разсѣянныя между пороками, всегдашнимъ служатъ доказа-

тельствомъ порядка ими содержимаго. Въ дружбѣ потребна не сія ревность воображенія, которая коснѣетъ при самомъ рожденіи своемъ; но жаръ продолжительный и отъ истинныхъ чувствъ происходящій; когда долговременные опыты послужатъ только къ тому, чтобы учинить ее сильнѣе и дѣятельнѣе; тогда выборъ здѣланъ, и человѣкъ начинаетъ жить въ другомъ самомъ себѣ.

Съ сея минуты нещастія наши уменьшаются, а возрастаютъ вкушаемыя нами блага. Посмотри на печальнаго человѣка; взгляни на утѣшителей, которыхъ привлекаетъ къ нему противу воли ихъ благопристойность. Какое притворство въ ихъ взорахъ, какая ложь въ ихъ словахъ; но нещастнымъ нужны одни только слезы, изъявленіе или молчаніе печали. Съ другой стороны друзья почли бы за нѣкоторой родъ похищенія другъ у друга, вкушая удовольствія тайно, и когда находятся они въ сей необходимости, то первая мысль души ихъ есть сожалѣніе объ отсудствіи такого предмѣта, которой раздѣляя оныя,

учинилЪ бы пріятнѣе и глубже впечатлѣнія чувствуемыхЪ удовольствій. Сіе самое должно разумѣть о почестяхЪ и всѣхЪ отличіяхЪ, которыя, потолику должны намЪ быть лестными, поколику оправдываетЪ ихЪ доброе обЪ насЪ мнѣніе друзей нашихЪ.

Они наслаждаются еще благороднѣйшимЪ правомЪ научать насЪ и дѣлать намЪ честь своими добродѣтелями; естьли справедливо, что мы научаемся быть добродѣтельнѣе, знаясь сЪ добродѣтельными людьми; то коль благородную ревность, коль великую силу должны внушить вЪ насЪ примѣры толико драгоцѣнные нашему сердцу! какое для нихЪ удовольствіе, видя насЪ по стопамЪ ихЪ шествующихЪ! колико сладостей, колико пріятныхЪ ощущеній для насЪ, когда они поведеніемЪ своимЪ заставятЪ общество почитать себя!

Тѣ люди, которые друзья всѣмЪ, не могутЪ ни кому быть друзьями; они стараются только здѣлаться любезными. БлагополученЪ будешЪ, когда пріобрѣтешЪ себѣ нѣсколько друзей; можетЪ быть надобно тебѣ

будетъ число ихъ уменьшать до одного; естьлибъ захотѣлъ ты требовать отъ сего изящнаго союза всего того совершенства, до котораго оный можетъ достигнуть.

Естьли бы мнѣ предложены были всѣ тѣ запросы о дружествѣ, о коихъ разсуждаютъ любомудры, естьли бы потребовали отъ меня правила, какъ разпознавать должности дружбы, и продлить ея существованіе; то я бы отвѣчалъ: учини хорошій выборъ, а потомъ положись на твои собственныя чувствованія и чувствованія друзей твоихъ, ибо рѣшеніе сердца, всегда скорѣе и яснѣе бываетъ рѣшенія разума.

Конечно въ развращенномъ уже народѣ осмѣлились произнести слова сіи: *Люби друзей своихъ такъ, какъ бы нѣкогда долженъ ты былъ ихъ ненавидѣть.* Правило звѣрское, на мѣсто котораго постановить можно нижеслѣдующее, которое гораздо утѣшительнѣе и можетъ быть древнѣе перваго: *Ненавидь такъ враговъ своихъ, какъ бы тебѣ ихъ нѣкогда любить было должно.*

Да не дерзаетъ ни кто изрещи, что дружество толь далеко простертое есть мученіе, и что у насъ

собственныхЪ золЪ довольно, не раздѣляя оныхЪ сЪ другими. ТотЪ незнаетЪ сего чувствованія, кто опасается его слѣдствій. Другія страсти сопровождаются мученіями; дружба имѣетЪ одни печали, наиболѣе узы ея соединяющія. Но есть-ли смерть . . . удалимЪ отЪ себя сіи горестныя мысли, или лучше сказать употребимЪ ихЪ вЪ пользу, дабы такЪ сказать напитать души наши двумя важными истиннами, изЪ коихЪ первая есть та, что должно о друзьяхЪ нашихЪ имѣть такое мнѣніе во время ихЪ жизни, какое имѣли бы мы обЪ нихЪ когда бы ихЪ лишились; другая истинна, которая есть слѣдствіемЪ первыя, состоитЪ вЪ томЪ, что надлежитЪ помнить друзей своихЪ не только вЪ отдаленіи, но и тогда, когда они сЪ нами находятся.

Есть еще другіе союзы, кои составляются вЪ обществѣ, и вЪ которые вступать выгодно: таковы суть союзы основанные на почтеніи и вкусѣ. Хотя они и не имѣютЪ одинакихЪ правЪ сЪ дружбою, но много пособляютЪ намЪ преносить тяготу жизни.

Добродѣтель твоя не должна отвлекать тебя отъ честныхъ забавъ, сродныхъ твоимъ лѣтамъ и различнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ можешь находиться. Мудрость любезна и основательна однимъ щастливымъ смѣшеніемъ удовольствій, кои она себѣ позволяетъ, и должностей, которыя налагаетъ на себя.

Естьли къ выше-упомянутымъ средствамъ, къ которымъ для благополучія жизни нашей мы прибѣгать долженствуемъ, присовокупишь ты надежду, которая во время нещастія вкрадывается въ сердца наши; то увидишь, Лизисъ, что природа поступила съ нами не съ тою жестокостію, которою ее укоряютъ. Впрочемъ учиненныя доселѣ размышленія, почитай только распространеніемъ слѣдующаго мнѣнія: *Весь человѣкъ существуетъ въ сердцѣ своемъ; въ немъ единственно долженъ онъ искать и своего спокойствія и своего щастія.*

